

Н. Н. Павлюченков

Архимандрит Серапион (Машкин)
и его «Система Философии»

УДК 1(470)(091)
ББК 87.3(2)
П12

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом ПСТГУ*

Научный редактор
д-р филос. наук *К. М. Антонов*

Павлюченков Н. Н.
П12 Архимандрит Серапион (Машкин) и его «Система Философии» /
Н. Н. Павлюченков. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. — 232 с.

ISBN 978-5-7429-1025-1

Имя архимандрита Серапиона (Машкина) стало широко известно благодаря публикациям П. А. Флоренского в 1906–1917 гг. В собственных трудах свящ. Павел Флоренский неоднократно ссыался на идеи архимандрита Серапиона, придавая некоторым из них особо важное значение. Но подготовить к изданию огромный и местами плохо читаемый текст сочинения Машкина Флоренский так и не смог. Не был осуществлен и его замысел написать монографию о жизни и трудах архимандрита Серапиона. В настоящем издании использованы те материалы, которые Флоренскому удалось собрать для биографической части предполагаемой монографии, и впервые приводится обзор основного сочинения архимандрита Серапиона (Машкина) «Система Философии. Опыт научного синтеза». Приложение составлено из текстов (писем, записей, отрывков из сочинений) архимандрита Серапиона, многие из которых публикуются впервые.

Книга предназначена для философов, богословов, а также для всех, кто интересуется историей русской философской и богословской мысли.

УДК 1(470)(091)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-7429-1025-1

© Павлюченков Н. Н., 2016
© Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета, 2016

Содержание

Введение	4
Архимандрит Серапион (Машкин) и священник Павел Флоренский	7
Архимандрит Серапион (Машкин): жизнеописание	27
Машкин о себе	30
Детство	32
Петербург: морская служба (обучение в Морском училище, 1868–1874; служба гардемарином и мичманом, 1874–1876)	39
Петербург: учеба в университете (1877–1881)	43
Болезнь (1882–1884)	49
Афон (1884–1889)	55
Годы борьбы (1889–1892)	60
Московская духовная академия (1892–1896)	62
Московский период (1896–1900)	70
Последние годы жизни. Беяево — Оптина пустынь (1900–1905)	80
Архимандрит Серапион (Машкин): «Система Философии»	92
Предварительные замечания	92
Основания системы	105
Высший закон тождества и Троиединство	113
Творение	117
Эволюция	127
Антропология	132
Конец мира	141
Аскетика и христианство	145
Заключение	151
Приложение	153

Архимандрит Серапион (Машкин) и священник Павел Флоренский

Все личное знакомство П. Флоренского и архимандрита Серапиона (Машкина) заключалось в короткой (с декабря 1904 по февраль 1905 г.) переписке, по итогам которой молодой (в начале 1905 г. Флоренскому исполнилось 23 года) студент МДА и находящийся на покое 50-летний архимандрит договорились о встрече в Оптиной пустыни летом 1905 г. Встреча не состоялась в связи с кончиной архимандрита (в ночь на 20 февраля 1905 г.), но в назначенный срок — в конце летних каникул после первого курса учебного года — Флоренский все же посетил Оптину и в результате этого визита стал обладателем достаточно большого рукописного архива Машкина.

Естественно предположить, что Флоренского с Машкиным заочно познакомить мог проф. МДА Алексей Иванович Введенский (1861—1913)¹, который достаточно хорошо знал семью Машкиных², знал сочинения о. Серапиона как студента и как выпускника академии³ и, очевидно, не мог не заметить Флоренского уже в первые

¹ Такое мнение см. в Примечаниях (С. Л. Кравец): *Павел Флоренский, свящ.* Сочинения: В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 720.

² Согласно сведениям, полученным Флоренским, брат (?) Алексея Ивановича — Дмитрий Иванович Введенский — пользовался особым расположением матери о. Серапиона — Екатерины Михайловны Машкиной, по приглашению которой он и Алексей Иванович в течение трех лет на летний период приезжали жить в поместье Машкиных в с. Беляево Курской губернии (*Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. Кострома, 2012. С. 132).

³ В 1896 г. А. И. Введенский писал отзыв на кандидатское сочинение иеромонаха Серапиона (Машкина), а в 1900 г. ознакомился с его (уже в сане архимандрита) новой работой, поданной в Совет МДА в качестве магистерской диссертации (см.: Отзыв экстраординарного профессора Алексея Ивановича Введенского о сочинении вольнослушателя Иеромонаха Серапиона «О нравственной достоверности» // Журнал Совета Московской Духовной Академии за 1896 год. С. Посад, 1898. С. 173—176; *Флоренский П. А.* [Сочинения]. Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. М., 1990. С. 620).

месяцы его учебы в академии на первом курсе¹. Однако эта версия пока не имеет своего документального подтверждения, в отличие от факта, зафиксированного в материалах Архива Оптиной пустыни. Там, в «Деле архимандрита Серапиона»² находятся два письма, полученные им от иеромонаха Серафима (Остроумова), — тогда профессорского стипендиата МДА, а впоследствии архиепископа Смоленского и Дорогобужского. В первом из них, датированном 22 октября 1904 г., сообщается о «некоем Флоренском», который «кончил Университет прекрасно по математическому факультету и был оставлен стипендиатом. Но склонность к философии заставила его изменить карьеру, и теперь он в числе 1-го курса нашей Академии». «Для Вас же, — писал о. Серафим о. Серапиону, — этот человек интересен именно тем, что он также занимается вопросом о согласовании математики и философии...» Далее о. Серафим указывал на то, что вышедшую философско-математическую статью Флоренского³ и предлагал Машкину, при его желании, эту статью ему прислать⁴. Во втором письме (28 ноября 1904 г.) о. Серафим уже сообщал о визите к нему Флоренского, который сам изъявил желание послать Машкину отдельный оттиск статьи. «На Ваши вопросы, — добавлял о. Серафим, — он также даст ответы лично»⁵.

Очевидно, что в ответ на первое письмо о. Серафима Машкин адресовал через него Флоренскому некоторые вопросы, что и послужило началом переписки между ними. Флоренский лично ответил о. Серапиону и получил от него последовательно два письма — от 11 декабря 1904 г. и от 3 февраля 1905 г., на которые он, очевидно, также отвечал. Таким образом, вся переписка сводится к трем

¹ А. И. Введенский работал непосредственно с первокурсниками, начиная свои лекции для них с общего обзора истории философии (см.: *Введенский А. И. Лекции по метафизике. 1899. Рукопись // Архив МДА. ОР РГБ. Ф. 179. К. 152. Ед. хр. 10. Л. 2—10*).

² Дело архимандрита Серапиона. ОР РГБ. Ф. 213. К. 102. Ед. хр. 5. Здесь и далее материалы из этого архива приводятся по изд.: *Пентковский А. М. Архимандрит Серапион Машкин и студент Павел Флоренский: Новые материалы // Символ. 1990. № 24*.

³ *Флоренский П. А. О символах бесконечности: Очерк идей Г. Кантора // Новый путь. 1904. № 9. С. 173—225*.

⁴ *Пентковский. Указ. соч. С. 206*.

⁵ Там же. С. 208. Указанная статья Флоренского действительно оказалась у Машкина, о чем свидетельствует опись его библиотеки (ОР РГБ. Ф. 213. К. 102. Ед. хр. 5. Л. 79 об.).

письмам Флоренского¹ и двум письмам Машкина. Приглашение на встречу в Оптину Флоренский получил уже в первом письме. «Одно могу пожелать, — писал о. Серапион, — если б Бог дал и Вы надумали бы летом приехать сюда в нашу тихую Пустынь. Она тиха и благолепна своим духовным устроением, своим благодатным “безмолвием”, столь дорогим взволнованной душе. Но и кроме этого, наша обитель — летом — прекрасна и со вне: природа ее — чудо... Лес, луг, река: мы гуляли бы с вами, купались, а затем за чайком обсудили бы — тогда уже *общую — систему философии*... У вас математика, у меня философия. Вдвоем мы — сила. А теперь именно такое время, когда нужна новая система. Старые отжили, новых нет, а запросы велики в современном обществе»².

Флоренский принял предложение и во втором письме к о. Серапиону сообщил, что хочет прибыть в Оптину в июле—августе 1905 г.³ Это видно из письма Машкина от 3 февраля 1905 г.: «Еще раз сердечно благодарен Вам, Павел Александрович, и горячо молю милостивого Бога, чтоб Он, если угодно Ему, привел Вас летом в нашу Пустынь (в июле и в августе, как пишете, так и буду ждать. Дай Боже)»⁴. К этому времени о. Серапиону оставалось жить чуть более двух недель; Флоренский о его кончине мог узнать из письма, которое из Оптиной пустыни получил о. Серафим (Остроумов)⁵. О реакции Флоренского на это событие свидетельствует, в частности, конец его письма к В. Ф. Эрну от 19 марта 1905 г. «У меня, — пишет Флоренский, — много было всякого горя. В числе других обстоятельств — смерть отца Серапиона». И уже в это время у Флоренско-

¹ Письма Флоренского в архиве Машкина не сохранились. Пентковский предполагает, что они были изъяты из бумаг Машкина самим Флоренским (см.: *Пентковский*. Указ. соч. С. 207), но это предположение ни на чем не основано. Флоренский в своей публикации писем к Машкиным прот. Валентина Амфитеатрова указывает, что о. Серапион по большей части сам уничтожал получаемые им письма (см.: Письма о. прот. Валентина Николаевича Амфитеатрова к Екатерине Михайловне и к о. Архимандриту Серапиону Машкиным // *Богословский вестник*. 1914. Т. 2. Июнь. С. 327).

² *Флоренский П. А.* «К почести вышнего звания»: Черты характера архимандрита Серапиона (Машкина) // Павел Флоренский, свящ. Сочинения. Т. 1. С. 223.

³ Во время учебы в Московском университете Флоренский на летние каникулы ездил к родителям на Кавказ. Так он планировал поступить и летом 1905 г., а на исходе каникул на пути обратно в Сергиев Посад заехать в Оптину.

⁴ *Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 112.

⁵ См.: Там же. С. 123—124.

го возникает мысль «дать для печати письмо о. Серапиона» (которое Эрн читал), присовокупив к этому «еще кое-какие документы»¹. Поэтому все-таки состоявшийся визит Флоренского в Оптину в августе 1905 г. следует рассматривать как начало реализации уже намеченных планов подготовки его публикации о новом, еще неизвестном в России оригинальном мыслителе.

Флоренского в Оптиной ждал рукописный архив Машкина, который, как оказалось, стал доступен ему лишь благодаря ряду весьма неожиданных обстоятельств. Ожидать же можно было, по крайней мере, вполне равнодушного отношения к этим бумагам со стороны начальства Оптиной и непосредственно исполняющего послушание письмоводителя и летописца монастыря иеромонаха Эраста (Вытропского) († 17/30 июля 1913). Иеромонах Эраст, судя по косвенным данным, мог иметь конфликты с о. Серапионом², признавал его находящимся в «прелести»³ и, однако, никак не использовал открывшуюся возможность сразу избавиться от его сочинений. Как видно из архивных материалов⁴, единственная из оставшихся к тому времени в живых ближайшая родственница о. Серапиона, его двоюродная сестра Варвара Александровна Машкина⁵, не приехала на погребение, но прислала своего управляющего с письменной просьбой (письмо датировано 21 февраля 1905 г.) к настоятелю Оптиной пустыни отдать в числе прочего «сочинение о. архимандрита, которое он писал на своей пишущей машинке». Управляющий не получил ничего, так как настоятель (вероятно, в лице о. Эраста) сослался на имеющееся завещание Машкина, по которому его книги должны быть переданы в Московскую духовную академию⁶.

Здесь интересно отметить, что в тексте завещания (написанного Машкиным после пережитого им болезненного удара в ночь

¹ Переписка П. А. Флоренского и В. Ф. Эрна / Публ., коммент. Н. Н. Павлюченкова // Русское богословие: исследования и материалы. М., 2014. С. 212.

² Например, согласно записи Флоренского, 1 июля 1904 г. о. Серапион выразил «резкие возражения... на переписанное им рассуждение оптинского о. Эраста Вытропского “Европа, Россия и Европа и о наших, русских сиротах”» (*Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 175).

³ *Флоренский.* «К почести высшего звания»... С. 218.

⁴ ОР РГБ. Ф. 213. К. 102. Ед. хр. 5. Л. 56.

⁵ Будучи двоюродной сестрой о. Серапиона, Варвара Александровна была замужем за его родным братом — Александром Михайловичем Машкиным.

⁶ См.: *Пентковский.* Архимандрит Серапион Машкин и студент Павел Флоренский. С. 209.

на 10 февраля 1905 г.) указывалось отдать МДА только книги на французском языке и «русские книги специального философского и математического содержания». Книги же «русские духовно-нравственного содержания» и печатную машинку «Ремингтон» о. Серапион завещал Оптиной пустыни. *О самих своих сочинениях* Машкин в завещании *не говорил ничего*¹. Вскоре В. А. Машкина получила написанное 9 марта 1905 г. письмо Алексея Ивановича Введенского, который настоятельно советовал продолжать попытки получить сочинение о. Серапиона. «Относительно завещания его, — писал А. И. Введенский, — скажу Вам вот что: *всемерно следовало бы Вам позаботиться о том, чтобы его сочинение не было переслано в Академию, но было передано Вам...* Мне думается, что начальство Оптиной Пустыни неправильно толкует смысл завещания: речь в нем... идет о научных “книгах”, а сочинение не книга, а *рукопись*. Они, по-моему, должны бы Вам его выдать без всяких прекословий». В качестве причин, по которым В. А. Машкина должна добиваться выдачи ей сочинений о. Серапиона, Введенский указывал: «В академической библиотеке оно, вероятно... заваляется, не увидав света, а у Вас, может быть, хоть частями, и напечатано будет» и, в таком случае, «хоть немного — и Вам принесет в качестве материального наследия»².

Используя этот совет, В. А. Машкина, очевидно, повторно обратилась в Оптину со своей просьбой (теперь уже со ссылкой на А. И. Введенского) и получила ответ о. Эраста (за подписью настоятеля архимандрита Ксенофонта): по уставу, Оптина пустынь — общежительный монастырь и все имущество ее насельников признается собственностью монастыря. Поэтому «записка о. Серапиона, названная им завещанием, не имеет законной силы даже в отношении передачи книг Академии». Однако «из уважения к памяти его» в отношении книг о. Эраст намерен его предсмертное желание исполнить. Что же касается собственно сочинения о. Серапиона, то о. Эраст благодарил В. А. Машкину «за известие (предупреждение), что сочинение о. Серапиона в Академии зава-

¹ См. текст завещания: *Флоренский*. «К почести вышнего звания»... С. 215–216; *Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 121–122.

² Письмо Алексея Ивановича Введенского к В. А. Машкиной после смерти о. Серапиона (Архив свящ. П. Флоренского. Письмо сохранилось в копии, сделанной специально для о. П. Флоренского).

ляется и что там целые груды сложены таких книг». Поэтому, делал вывод о. Эраст, «надобно... нам озаботиться, чтобы хотя какую-нибудь часть сочинения при помощи добрых людей выдать в свет. Оно незакончено и в большом беспорядке, требует тщательного пересмотра, так как *болезненное его состояние отразилось и в сочинении* (курсив мой. — Н. П.)»¹.

То, что в такой позиции не было планов возможной материальной выгоды, которую от издания сочинений Машкина могла бы извлечь сама обитель, свидетельствуется не только ярко выраженным негативным отношением о. Эраста к этим сочинениям, но и всеми последующими обстоятельствами. И, в частности, тем, с какой легкостью спустя всего несколько месяцев тот же о. Эраст вдруг отдал Флоренскому из бумаг о. Серапиона практически все, что тот пожелал увезти с собой.

Приехав в августе 1905 г., Флоренский провел в Оптиной несколько недель, что видно из его последующих писем к о. Эрасту. Можно предположить, что достаточным основанием для его допуска к архиву Машкина были привезенные им с собой письма к нему покойного архимандрита и, уже во вторую очередь, его учеба в Московской духовной академии. Во всяком случае, именно на эти его письма и на полученные от о. архимандрита «благословение работать в области философии» Флоренский сослался в письменной просьбе предоставить ему все хлопоты по разбору и подготовке к публикации сочинения Машкина. Эта просьба содержится в заключительной части «Отчета о занятиях П. А. Флоренского над рукописями покойного архимандрита Серапиона Машкина», написанного на имя настоятеля, архимандрита Ксенофонта².

Сам Отчет включает в себя описание сочинения Машкина и некоторые соображения по его публикации. Сочинение оказалось целой «философской системой», изложенной в двух различных редакциях. Сама система, по заключению Флоренского, «глубока и чрезвычайно оригинальна по общему замыслу». Некоторые мысли о. Серапиона могут принести пользу специальным наукам, а в целом вся система может быть обращена в «орудие духовной борьбы за Истину», так как в нее заложены «пламенная любовь к Богу, понимание духовной жизни, широкое пользование святоотеческой литера-

¹ Письмо 4 апреля 1905 г., Оптина пустынь (*Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 124—125).

² ОР РГБ. Ф. 213. К. 102. Ед. хр. 5. Л. 65—69.

турой и основное стремление сделать *Христа* (частнее: *Православие*) краеугольным камнем философии и чрез то одержать безусловную победу над всякой иной религией и над всякой нехристианской философией». Главная ценность сочинения — в его целостности, «в связи мыслей, заставляющей... невера либо принять Христа, либо открыто стать на сторону Сатаны и сбросить маску»¹.

Но именно это, последнее обстоятельство, по мнению Флоренского, станет причиной большого затруднения для его издания. Печатать по частям такое сочинение «не имеет большого смысла», а издать его целиком не решится ни один издатель и ни один журнал ввиду его громадного объема (Флоренский насчитал более 2250 страниц рукописи). Кроме того, в первой редакции сочинения Флоренский обнаружил местами «туманное изложение», излишнюю краткость в изложении одних вопросов и «бесконечное повторение» других, чрезмерное развитие специальных (например, математических) вопросов и «злоупотребление символическими и схематическими образами». К этому добавляется и «злоупотребление фантастикой, заставляющее автора высказывать порою предположения, едва ли одобряемые всею Церковью»².

Вторая редакция, по мнению Флоренского, «в значительной мере освобождена от сказанных недостатков», но она «весьма тяжело читается местами», и в ней отсутствует вторая часть. Поэтому Флоренский предложил такой вариант издания (в одном из «толстых журналов»): после вступительной статьи положить в основу первую часть второй редакции, но облегчить в ней слог, исправить «частные промахи», дополнить вставками из первой редакции и все снабдить пояснительными примечаниями. Вторую часть составить из выборки лучших мест первой редакции, связав их редакторским изложением опущенного. На всю эту работу Флоренский предположительно отвел год или полтора, а в качестве журналов, где возможна публикация, обозначил «Богословский вестник», «Вопросы жизни» и «Вера и знание».

Отчет датирован 4 сентября 1905 г., и здесь же присутствует расписка в получении: «Рукописи о. Архимандрита Серапиона получил. П. Флоренский»³.

¹ *Пентковский*. Архимандрит Серапион Машкин и студент Павел Флоренский. С. 221—222.

² Там же.

³ Там же. С. 223—224.

По-видимому, не осталось никаких свидетельств о том, что о. Эраст каким-либо образом интересовался дальнейшей судьбой сочинений Машкина. Сам Флоренский, очевидно, считал необходимым на первых порах отчитаться о ходе выполнения своего обещания, но и этого, по всей видимости, со стороны Оптиной пустыни никто не требовал. Во всяком случае, в архиве имеются только два письма Флоренского на имя о. Эраста, датированные 10 февраля и 1 октября 1906 г. В первом из них Флоренский сообщал, что уже написал «статейку» об о. Серапионе, а развернутое исследование, возможно, будет публиковаться в «Богословском вестнике». Второе письмо, очевидно, связано с уже состоявшейся первой публикацией в «Вопросах религии», где Флоренский, по его словам, напечатал «небольшую характеристику о. Серапиона и несколько его писем», для того чтобы о. Серапион «из никому не известного архимандрита» стал «величиной, о которой пишут». Здесь же о. Эрасту сообщалось о планах второй статьи, после которой «некоторое имя о. Серапиону будет обеспечено и можно будет приняться за настоящее дело», т. е. собственно за издание его сочинения¹. «Вообще же, — писал Флоренский, — работа, как видите, идет медленно, т. к. постоянно напряженное состояние, всероссийское волнение и потрясения лишают энергии и отвлекают внимание публики и гг. редакторов от философии, особенно высокого полета. Да, впрочем, может быть и тут Промысел устраивает к лучшему, ибо, появившись сочинение о. Серапиона в такой мутной политической обстановке, в нынешнюю борьбу страстей, партий и интересов, они, наверное, прошли бы незамеченными»².

¹ См.: *Пентковский*. Архимандрит Серапион Машкин и студент Павел Флоренский. С. 212.

² Там же. С. 225. Интересно отметить, что данное письмо служит одним из основных источников, по которым можно судить о тех впечатлениях, которые Флоренский получил во время своего визита в Оптину пустынь в августе 1905 г. В этом письме Флоренский вспоминает «о тихой обители, о тихом острове, на котором Бог дал мне провести несколько счастливых недель». Порой, пишет Флоренский, воспоминания о старцах, «тоска по тишине, по умирной жизни, о подвиге смутит на несколько дней настолько, что ходишь шальным и думаешь про себя: да не бросить ли все это, т. е. Академию, учение и проч., и сейчас же не пуститься ли в какую-нибудь такую Пустынь без оглядки назад? <...> Трудно нам приходится, о. Эраст. Часто только знание, что есть тихие уголки вроде Пустыни, поддерживают и удерживают от уныния» (Там же. С. 226). Вторым источником является запись Флоренского, сделанная 27 августа 1905 г. в Оптиной пустыни: «Мистическое развитие сравню с путем в горы. Выше и выше поднимаешься к небу, но более и более дела-

Эти замечания, как представляется, до некоторой степени объясняют и характер тех материалов, которые были отобраны Флоренским для первой публикации об о. Серапионе¹. Их задачей, очевидно, было прежде всего *привлечь внимание* к личности неизвестного мыслителя, заставить о нем говорить и писать. В самой статье — «К почести вышнего звания» — Флоренский не иначе как интригует читателя, уже имевшего возможность оценить масштаб личности и творчества Владимира Соловьева²: Машкин не просто ставится с Соловьевым в один ряд, но в одном достаточно важном моменте представляется даже как имеющий над ним преимущество. Машкин — один из тех, кого можно охарактеризовать как «созерцатель — философ и аскет, проводящий в жизнь познанную им Истину и исследующий Истину». Это — наши «сковороды, соловьевы да серапионы», из которых Машкин «самый чистосердечный по своей искренности, самый абсолютный по своей метафизичности, самый радикальный по своей общественности, самый смелый в своих сомнениях, самый небрежный ко всему внешнему... самый верный раб своего Господа»³.

Относительно же Соловьева Машкин «живет мистикой, более рафинированной», т. е., очевидно, более контролируемой на предмет

ется опасность слететь в пропасть. На ровном месте нет подъема, но нет и бездны, и подлинные мистические опасности появляются при наличии подъема в выси... Географические карты и планы, составленные людьми, уже восходившими на эти высоты, совершенно необходимы. Это — учение Церкви, догматы, направляющие путь» (цит. по: Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подг. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004. С.411). Также, согласно этой записи, необходим «проводник», практически уже воспользовавшийся такими картами. Это старец, которому, как проводнику в горах, необходимо полностью довериться.

¹ Флоренский П. А. «К почести вышнего звания»: Черты характера архимандрита Серапиона Машкина // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 143–173; Письма и наброски Архимандрита Серапиона Машкина // Там же. С. 174–220.

² К 1906 г. в обеих столицах — Москве и Петербурге — уже возникли Религиозно-философские общества «памяти» и «имени» В. Соловьева; его многочисленные последователи уже начинали достаточно широко публиковаться в различных изданиях.

³ Флоренский. «К почести вышнего звания»: Черты характера архимандрита Серапиона Машкина. С. 208–209. Нетрудно заметить, что именно эти качества (искренность, метафизичность, «общественность», даже «небрежность к внешнему») могли быть найдены у В. Соловьева (см., напр.: Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 639–641), но в отношении Машкина здесь они возводились в превосходную степень.

возможных заблуждений¹, а в «представлениях о Природе» Соловьев ближе к гилозоизму, тогда как Машкин — ближе к св. отцам².

Как бы по умолчанию в представлении Флоренского Машкин здесь оказывается значительнее Соловьева и по исходу их в целом идентичной «встречи» с метафизическим злом Машкин «единственное избавление от осаждавших его сил... находил во Христе». «В результате слой зла был пройден. Тогда стали случаться видения Христа, святых и духовное... равновесие восстановилось»³. Но если учесть общественно-политическую обстановку того времени (так называемая первая революция 1905–1907 гг.), на гораздо больший резонанс могла быть рассчитана публикация ряда соответствующих крайне радикальных воззрений о. Серапиона. Флоренский предупреждает: то, что он придает их гласности, не означает, что он сам целиком с ними согласен. Он практически без купюр и без комментариев публикует адресованное ему второе письмо Машкина (от 3 февраля 1905 г.), в котором архимандрит местами просто «митингует». Например, он возмущается тем, что духовная академия в Москве, в отличие от Петербурга, не участвует в забастовке, называет «с позволения сказать — духовенство» «Иудой, продавшим Церковь Христову сперва Петру, а после перепродавшим ее всем преемникам Петра до Николая II включительно». «Я даже не служу, — пишет Машкин, — приобщаюсь, но не служу, т. к. не считаю нашу церковь в истине. Она в ереси, именно цезаре-папистической... Вы пишете: “Хочу послужить Церкви”. Какой? Истинной... истинная — в старокатолицизме. Служа же нашей, лживой, надо “уготовать душу свою во искушение”... Монахом быть — это связать себя по рукам и ногам келейными правилами, придуманными нарочно для того, чтоб связывать ими наиболее опасных дурному правительству людей — религиозных идеалистов... Человек свежий, деятельный и честный задохнется в монашестве. Меня спасло одно то, что я философ...»⁴

¹ Известно, что, избегая публично высказываться о «софийном» мистическом опыте В. Соловьева, Флоренский частным образом не стеснялся обозначить характер этого опыта термином, взятым из христианской аскетики, — «прелесть» (см., напр.: Переписка свящ. П. А. Флоренского со свящ. С. Н. Булгаковым. Томск, 2001. С. 92; ср.: Там же. С. 54).

² Там же. С. 221.

³ *Флоренский*. «К почести вышнего звания»: Черты характера архимандрита Серапиона Машкина. С. 221.

⁴ См.: *Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 106–108.

На самом деле, имея под рукой другие материалы из наследия Машкина, все эти и подобные высказывания¹ можно было прокомментировать и без каких-либо натяжек показать в образе «мятежного архимандрита» вовсе не врага Церкви и российского государства как таковых. В нем можно было бы показать стремящегося быть до конца честным и искренним борца с многочисленными искажениями в церковной и государственной жизни, о которых писали многие, в том числе весьма преданные Церкви и самодержавной монархии подвижники и общественные деятели. Но Флоренский принципиально ничего не комментирует, очевидно желая тем самым привлечь внимание, вызвать на полемику и уже затем, в процессе постепенной публикации наследия Машкина (которую уже, таким образом, будут ждать), представить материалы, из которых будет ясен его истинный облик².

В материалах, опубликованных в 1917 г., Флоренский сообщал о двух известных ему откликах, вызванных публикацией 1906 г. — в «Колоколе» (1906. № 10) и в сборнике «Литературный Распад» (СПб., 1908), где о. Серапион был сравнен с Н. А. Бердяевым³. К этому можно добавить еще один, достаточно резкий отзыв С. М. Соловьева, которого задело именно сравнение Машкина с его великим

¹ Равно как и особенно любимые современными критиками Флоренского слова Машкина о его желании «скорее примкнуть» к старокатоликам и масонам (см.: Там же. С. 107). Можно показать (см. далее), что масоны для Машкина — это тайное общество служителей Истины, которое вынуждено уходить в подполье в условиях господства Мирового зла. Ни о какой антихристианской и принципиально антицерковной сущности масонства у Машкина понятия нет, но, напротив, в тайном обществе такого рода он видит единственный способ противостояния антихристианским и антицерковным силам, охватившим мировое «большинство».

² Можно отдельно исследовать вопрос, какие именно радикальные суждения Машкина Флоренский на том этапе (1906) внутренне поддерживал, а с какими был не согласен. В данном случае можно обратить внимание на то, что, считая Русскую Церковь «еретической», Машкин никак не считал ее безблагодатной (он не снимал сан и монашество и, по собственному свидетельству, «приобщался»). Спустя пять месяцев после получения второго письма от Машкина, зная о его кончине и намереваясь ехать в Оптину, 15 июля 1905 г. из Тифлиса Флоренский писал А. Белому о своем открытии в Русской Церкви внутренней, глубоко скрытой за «толстейшей корой» «тысяч недостатков» святых. «И тогда я понял, — писал он, — что уже не выйду оттуда, откуда увидел все это...» (Павел Флоренский и символисты. С. 471).

³ См.: Павел Флоренский, *свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 178.

дядей¹. «Мне стыдно, — писал он, — смеяться над о. Машкиным, не на нем вина, а на том, кто извлек его из мрака безвестности, на его поклоннике и апологете, г. Флоренском... Всего занятнее параллель, которую он проводит между Вл. Соловьевым и Машкиным. Девиз ясен: от Вл. Соловьева к о. Машкину»².

Конечно, резкость этого отзыва можно признать вполне оправданной, поскольку публикация 1906 г. в том, что касается собственно *философской системы* Машкина, содержала лишь одни общие суждения и не давала о характере ее масштаба и глубины совершенно никакого конкретного понятия.

Центр его исканий, писал Флоренский, «создать универсальность миропонимания, охватывающую *все* области человеческого интереса»; о. Серапион «набрасывает с головокружительной смелостью идеи неслыханной новизны, идеи, долженствующие, по мнению их изобретателя, перестроить до основания целый ряд дисциплин: математику, механику, физику и т. д.»³. Все это выглядело голословным и тем более рождало недоверие в связи с тем, что сам Флоренский в этой же публикации со всей научной честностью привел два факта: о. Серапиона в Оптиной некоторые считали сумасшедшим⁴ и ходили слухи, что свое большое сочинение он писал в состоянии запоя⁵.

В публикации 1906 г. Флоренский пытался оспорить эти измышления: «Написать и переписать эту бумажную груду, содержания... сплошь оригинального... требует по меньшей мере нескольких лет неустанной, чисто оригеновской работы и она ни в коем случае немыслима в соединении с нетрезвой жизнью»⁶. Однако впоследствии, продолжая собирать факты, Флоренский убедился, что летом 1899 г. и в 1900 г., которым датирована первая редакция сочине-

¹ Сверстник Флоренского, друг А. Белого и А. Блока, Сергей Михайлович Соловьев (1895–1942) был сыном младшего брата Владимира Соловьева — Михаила Сергеевича. Как и Флоренский, он окончил МДА, принял священный сан, но в тяжелые годы после революции перешел в унияство (1926).

² Соловьев С. М. Вопросы религии. Вып. 1 // Перевал. М., 1906. № 2. С. 71.

³ Флоренский П. А. «К почести высшего звания»: Черты характера архимандрита Серапиона Машкина. С. 222.

⁴ Приехав в Оптину в августе 1905 г., Флоренский, по собственному свидетельству, с трудом отыскал могилу архимандрита Серапиона: на ней не было креста и она представляла собой заросший травой провалившийся холмик (Там же. С. 216).

⁵ См.: Там же. С. 223.

⁶ Там же. С. 224.

ния Машкина, действительно у него имели место «сильные запои»¹. Около времени первого сильного запоя (лето 1899 г.) архимандрит Серапион стал называть себя «монахом Завулоном»², и именно это имя стоит в заглавии первого титульного листа второй редакции его сочинения, датированной 1904 г.³

Но во всей своей совокупности эти факты были обнародованы Флоренским только в 1917 г. В архиве же у него продолжали лежать те самые две редакции сочинения Машкина, в которых в числе прочего содержались свидетельства полного осознания о. Серапионом духовного значения своей страсти винопития и его попыток борьбы с нею. Сам Флоренский, очевидно, хорошо знал, что сочинение Машкина во многом результат не разгула страстей, а попыток аскетической борьбы с ними.

После публикации 1906 г. и «отчетного» письма к о. Эрсту в октябре 1906 г. создается впечатление полного отсутствия какой-либо работы Флоренского с переданным ему наследием Машкина. На самом деле это не совсем так, поскольку по крайней мере в феврале—марте 1907 г. по вопросам сбора данных об о. Серапионе Флоренский поддерживает связь с семьей его племянницы⁴. Но при этом, вместо того чтобы исполнить обещание и через год—полтора (после августа 1905 г.) издать «Мысли» о. Серапиона⁵, Флоренский к этому времени пишет свое собственное выпускное кандидатское сочинение (1908). И частично публикует его как раз там, где следовало бы ожидать продолжения материалов об о. Серапионе, — во втором выпуске «Вопросов религии»⁶. Но (удивительным образом!) критики — как самый первый, архимандрит Никанор (Кудрявцев), так и гораздо более поздние⁷ — не обратили внимания на то,

¹ См.: *Флоренский П. А.* «К почести вышнего звания»: Черты характера архимандрита Серапиона Машкина. С. 173—174.

² Там же. С. 173.

³ См.: *Флоренский.* Сочинения. Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. С. 620.

⁴ См.: *Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 216—218.

⁵ Так, согласно планам, прописанным в «Отчете» », должна была быть названа публикация рукописей Машкина (см.: *Пентковский.* Архимандрит Серапион Машкин и студент Павел Флоренский: Новые материалы. С. 222).

⁶ *Флоренский П. А.* Столп и утверждение Истины: Письма к Другу // Вопросы религии. Вып. 2. [М.,] 1908. С. 226—384.

⁷ См.: *Никанор, архим.* Рец. на кн.: Столп и утверждение Истины // П. А. Флоренский: Pro et contra: Антология. 2-е изд. СПб., 2001. С. 348—351; *Гальцева Р. А.* Мысль как воля и представление: Утопия и идеология в философском сознании П. А. Фло-

что возможность прямого плагиата для Флоренского исключалась уже тем, что тот же А. И. Введенский, для которого кандидатская работа Флоренского не могла быть секретом, был знаком с *обоими* сочинениями Машкина, — как кандидатским (1896), так и предполагаемым магистерским (в первой редакции, 1900). Даже в случае крайней научной недобросовестности Флоренского ему чрезвычайно трудно было бы выдать идеи Машкина за свои, по крайней мере в академии, где А. И. Введенский продолжал работать до самой своей кончины в 1913 г.

Однако вопрос о возможности плагиата встанет чуть позже, когда (опять достаточно удивительное обстоятельство!) сам Флоренский в «Столпе и утверждении Истины» издания 1914 г. объявит о своем заимствовании некоторых идей Машкина. Пока же, в 1908 г., по всей видимости, никто не сопоставлял факты и не ждал от Флоренского выполнения его обещаний по простой причине: несмотря на усилия, предпринятые им через публикацию 1906 г., о Машкине практически забыли, философской и научной общественностью он замечен не был.

Период 1908–1909 гг. в духовной жизни Флоренского явился периодом кризиса, преодоление которого завершается его женитьбой (1910) и последующим рукоположением в священный сан (1911). В это же время фиксируется продолжение его работы над наследием Машкина: к нему снова приходят ответные письма (апрель 1910 — октябрь 1911 гг., май 1912 г.)¹, и он в первой половине августа 1910 г. едет в Курск для встречи с О. А. Машкиной и записи ее воспоминаний об о. Серапионе².

В 1911 г. Флоренскому из издательства «Путь» приходит письмо с просьбой прислать автограф о. Серапиона, так как издательство готовится к предполагаемому изданию монографии, что означает, очевидно, наличие там соответствующей заявки о. Павла. Письма приходят на протяжении почти всего 1914 года³, в их числе и датированное 1 февраля 1914 г. большое письмо от о. Феодора Малярова, священника церкви свт. Николая в с. Беляево, лично много лет

ренского // Там же. С. 563–600; *Гаврюшин Н. К.* Русское богословие: Очерки и портреты. Н. Новгород, 2005. С. 226–231.

¹ См.: *Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 218–231.

² См.: Там же. С. 252. Сами воспоминания см.: Там же. С. 197–214.

³ См.: Там же. С. 231–250.

знавшего о. Серапиона и всю его семью. В 1914 г. (по выходным данным, а фактически в 1913 г.) в издательстве «Путь» выходит в свет полный текст «Столпа и утверждения Истины», содержащий несколько упоминаний от учения о. Серапиона Машкина¹ и достаточно существенную информацию о нем и его сочинении в примечании под номером 26². «Не могу не выразить своей радости, — писал Флоренский, — что большую часть мыслей письма второго и, отчасти, третьего с четвертым³ я могу опереть на авторитет архимандрита Серапиона (Машкина). В излагаемом тут виде очень многие идеи взяты из его рукописей, но *какие* именно — пусть читатель, интересующийся вопросами идейной собственности, сам определит, когда появятся в свет подлинные сочинения о. Серапиона»⁴.

Характер этих сочинений определяется здесь как «грандиозная попытка» о. Серапиона выразить на бумаге свои решения основных вопросов «о происхождении мира, о Боге и т. п.». Архимандрит Серапион практически всю жизнь, до самой смерти имел интерес «к системе, которая начиналась бы с абсолютного скепсиса и, охватив все основные вопросы человечества, заканчивалась бы программой общественной деятельности». По существу, отмечая, в этом отношении, свою духовную близость к о. Серапиону, Флоренский одновременно фактически дал объяснение и тому обстоятельству, что в «Столпе» не оказалось конкретных ссылок на еще неизданное сочинение Машкина (равно как и прямых цитат из него): «Мысли покойного и мои оказались настолько сродными и срастающимися друг с другом, что я уже не знаю, где кончается “серапионовское”, где начинается “мое”, тем более, что общность наших отправных точек и знаний неизбежно вызывала однородность и дальнейших выводов»⁵.

Флоренский, очевидно, в данном случае не ставил задачей говорить собственно о философской системе о. Серапиона. Он обозначил лишь то, что в лице этого «авторитетного» мыслителя он имеет великого единомышленника, первооткрывателя «высшего закона

¹ См.: *Флоренский П. А. Сочинения*. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. С. 23, 47, 106–107.

² См.: *Флоренский П. А. Сочинения*. Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. С. 619–621.

³ Главы — «письма» в «Столпе и утверждении Истины»: второе — «Сомнение», третье — «Триединство», четвертое — «Свет Истины».

⁴ *Флоренский П. А. Сочинения*. Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. С. 619.

⁵ Там же.

тождества», оказавшегося столь важным для решения задач философского поиска Истины. Так же, как и в «Отчете», который был составлен им в Оптиной в 1905 г., Флоренский здесь дал описание имеющихся двух редакций сочинения Машкина¹ и указал еще на наличие других рукописей, в том числе и находящихся у его родственников. Наиболее ценные из них должны быть опубликованы, но пока имеются немалые затруднения в обработке текста для печати и в связи с «внешними условиями» издательства. До разрешения этих трудностей Флоренский сообщал о своем намерении выпустить в свет монографию об о. Серапионе, содержащую «систематическое изложение его воззрений и его биографию». Такая монография необходима, т. к. «непосредственное чтение сочинений о. Серапиона едва ли окажется под силу многим из тех, кто мог бы живо заинтересоваться его взглядами»².

К 1914–1916 гг. относятся свидетельства того, что Флоренский действительно работал параллельно над вышеуказанной монографией и над подготовкой для печати оригинальных текстов самого Машкина. Так, например, очевидно, на запрос Флоренского в феврале 1914 г. С. Н. Булгаков отвечает, что публикация в издательстве «Путь» подлинных сочинений о. Серапиона может состояться лишь после Вашего повествования о нем, «т. е. после монографии»³.

План такой монографии (под названием «О. Серапион Машкин (Духовный портрет)») Флоренским был составлен 14 января 1914 г. и включал в себя две части: «Часть 1. Жизнь и личность» и «Часть 2. Система». Первая часть подразделялась на разделы («А. Человек. Б. Жизнь. В. Характер. Г. Священство и монашество. Д. Писательство»)⁴, а впоследствии была разделена в общей сложности на 10 частей: Вступление, главы с 1-й по 8-ю, включающие в себя отдельные этапы жизни Машкина, и Приложение. Материалы для каждой из частей собирались Флоренским в специальных пап-

¹ В связи с имеющейся критикой научной добросовестности Флоренского можно отметить, что описания сочинений Машкина, данные им в «Столпе» и в «Отчете» 1905 г., практически совпадают. «Отчет» при этом оставался в Оптиной, нигде не был опубликован, а единственный, кто непосредственно мог знать о состоянии рукописей Машкина, — о. Эраст — скончался в июле 1913 г.

² Флоренский П. А. Сочинения. Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. С. 620.

³ Письмо С. Н. Булгакова свящ. П. Флоренскому от 23–24 февраля 1914 г. // Переписка свящ. П. А. Флоренского со свящ. С. Н. Булгаковым. С. 84.

⁴ Павел Флоренский, свящ. Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 251.

ках¹. В том же 1914 г. в «Богословском вестнике» Флоренский опубликовал полученные им из архива Машкиных в с. Беляево письма прот. Валентина Амфитеатрова, адресованные о. Серапиону и его матери².

Работа над наследием Машкина продолжалась и далее, хотя за следующий, 1915 г. никаких сведений об этом, по всей видимости, не сохранилось. В июне и октябре 1916 г. Флоренскому приходят письма от секретаря Курского дворянского собрания с указанием, откуда можно взять сведения о лицах из рода Машкиных, и от прот. Сергея Четверикова, который, как, очевидно, выяснил Флоренский, вместе с о. Серапионом учился в Московской духовной академии³. Тогда же, в октябре 1916 г., Флоренский заканчивает расшифровку крайне неразборчивого, но очень важного текста письма, фактически исповеди Машкина к о. Валентину Амфитеатрову⁴. Этим же временем (15 октября) датирован текст, который Флоренский начал писать для предисловия к монографии. Сохранившиеся в черновике несколько строчек свидетельствуют о прошедшей спустя 10 лет существенной переоценке Флоренским жизни и личности о. Серапиона⁵.

Эта переоценка, несомненно, главным образом связана не столько с преодолением самим Флоренским своего юношеского максимализма, сколько с накоплением новых сведений. Вероятнее всего, именно под влиянием только что расшифрованного письма Машкина о. Валентину Флоренский пишет: «В этой книге я намереваюсь рассказать... о жизни, которая, более чем какая другая мне из-

¹ Там же. С. 252. Именно эти материалы после кропотливой работы игумена Андроника (Трубачева) и были впервые изданы в Костроме в 2012 г. (см.: *Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя).

² Письма о. прот. Валентина Николаевича Амфитеатрова к Екатерине Михайловне и к о. Архимандриту Серапиону Машкиным // Богословский вестник. 1914. Т. 2. Июнь. С. 327–350; июль–август. С. 508–534. Было также отдельное издание (Сергиев Посад, 1914). См.: *Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 178.

³ Архив свящ. П. Флоренского.

⁴ *Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 43. Расшифрованный текст письма см.: Там же. С. 43–48.

⁵ Ср. сделанное еще в «Столпе» замечание по поводу статьи 1906 г. «К почести вышнего звания»: «Она написана до того времени, когда автор мог более основательно вникнуть в жизнь и личность о. Серапиона, и потому многое в характеристике о. Серапиона теперь было бы представлено иначе» (*Флоренский П. А. Сочинения.* Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. С. 621).

вестная, была осуществлением Достоевского “во всем я преступил черту”. О. Серапион, о котором будет здесь речь, был действительно человеком крайностей, совмещавшим в себе несовместимое... Я не сужу его и не оправдываю. Я полагаю, что, кем бы ни был признан он в общем итоге, добродетельным или порочным, сумасбродом или великим, больным или здоровым, жизнь его при всякой оценке представляет достаточную тему для размышлений»¹.

Параллельно со сбором материалов для первого раздела монографии Флоренский не оставляет попыток к публикации оригинальных сочинений Машкина: в декабре 1916 г. обсуждался вопрос о печатании отрывков из его рукописи в журнале «Вопросы философии и психологии». С. Булгаков сообщал, что редакция согласна дать Флоренскому для этого место во втором и третьем номерах журнала за 1917 г. Фрагменты рукописи нужно было предоставить в начале марта 1917 г.² Вероятнее всего, публикации помешали февральские события, но самому Флоренскому в редактируемом им «Богословском вестнике»³ еще удалось успеть поместить собранные им сведения о периодах жизни Машкина и текст его автобиографии⁴.

Помимо прочего, эта публикация важна тем, что здесь в примечании, впервые после критики архимандрита Никанора помещенной в феврале 1916 г. в «Миссионерском обозрении», Флоренский ответил на возведенное против него обвинение в плагиате⁵. Флоренский отметил, что когда он впервые ознакомился с мыслями о. Серапиона,

¹ Павел Флоренский, свящ. Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 11–12.

² См.: Переписка свящ. П. А. Флоренского со свящ. С. Н. Булгаковым. С. 115–116.

³ Свящ. П. Флоренский редактировал академический журнал «Богословский вестник» с 1911 г. Весной 1917 г., не дожидаясь развития революционных событий в академии, он снял с себя обязанности редактора, и в мае его на этой должности сменил М. М. Тареев.

⁴ Данные к жизнеописанию архимандрита Серапиона (Машкина): Моя автобиография // Богословский вестник. 1917. Февраль—март.

⁵ Ранее Флоренский откликнулся на это обвинение только в дневниковой записи, датированной ночью 6 февраля 1916 г.: «Меня столько хвалили, что пора и поругать. Нехорошо лишь, что статья написана с нескрываемой злобой; этого последнего обстояательства я не понимаю, ибо... не нахожу в себе вины пред о. Никанором, который уже неоднократно и в Академии, и вне ее делал на меня разные нападения. Но я постарался вчера от души помолиться об этом человеке» (цит. по: Андроник (Трубацев), игум. Священник Павел Флоренский — профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. Т. 28. М., 1987. С. 309).

то сразу почувствовал в них «большую силу и самобытность». При этом оказалось, что никому не известный мыслитель «размышлял отчасти над теми же проблемами», что и сам Флоренский. Тогда, отмечает о. Павел, «естественно произошло слияние сродных решений — о. Серапиона и моих. Провести точную границу между теми и другими для меня сейчас не представляется возможности (я говорю об одних пунктах; в других же — расхождение и даже взаимное исключение). Все это я должен был написать здесь ввиду обвинений архимандрита Никанора на меня, хотя о. Никанор рукописей о. Серапиона не видел, а я, если бы хотел, мог бы не сказать о нем ни слова, вместо того чтобы работать над книгою о нем и стараться создать имени его славную память»¹.

По условиям времени на этой — последней — публикации все работы Флоренского с наследием Машкина могли бы закончиться. Как известно, в этот период о. Павел приступает к работе по сохранению Троице-Сергиевой лавры, читает философско-богословские лекции на московских квартирах и вынужденно поступает на работу в научно-технические организации в Москве. В 1917–1922 гг. он подготовил циклы лекций: «Из истории философской терминологии», по «Философии культа», «У водоразделов мысли» и в целом разработал свою философию символа. Однако и в это время обретаются свидетельства того, что он продолжал работу по сбору материалов к монографии и не оставлял намерений опубликовать само сочинение Машкина. Это видно, в частности, из его переписки с кн. Е. Н. Трубецким в сентябре 1918 г.² и из его записи, сделанной 18 апреля 1918 г. после встречи с Дмитрием Ивановичем Введенским³.

Но даже эти свидетельства не являются последними. В архиве о. П. Флоренского имеется письмо от 25 июня 1921 г. из г. Рыльска Курской губернии от Ильи Михайловича Картавцева с выдержка-

¹ Данные к жизнеописанию архимандрита Серапиона (Машкина): Моя автобиография. С. 320. Можно заметить по этому поводу, что Флоренский, несомненно, прав *в целом*: если сразу, в 1906–1907 гг., он и не мог об о. Серапионе «не сказать ни слова», т. к. чувствовал необходимость выполнить данные о. Эрасту обещания, то впоследствии имя Машкина им могло быть замолчано вполне успешно. Все имеющиеся сведения говорят о том, что по крайней мере после 1908 г. о Машкине вспоминали лишь потому, что о нем периодически напоминал Флоренский.

² См.: Переписка кн. Е. Н. Трубецкого и свящ. Павла Флоренского // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 106.

³ См.: *Павел Флоренский, свящ.* Архимандрит Серапион Машкин: Жизнь мыслителя. С. 42.

ми из метрических книг, по которым можно уточнить родословие о. Серапиона. Письмо начинается словами: «Глубокоуважаемый отец Павел! Я писал Вам, что могу собрать кое-какие данные в здешних архивах о роде Машкиных», из чего становится понятным, что у о. Павла и Картавцева по данному вопросу и в начале 1920-х гг. имела место переписка¹.

Самое последнее свидетельство сбора Флоренским информации о Машкине относится к сентябрю 1922 г. и представляет собой запись воспоминаний Веры Сергеевны Мячковой, жены двоюродного брата о. Серапиона — Георгия Георгиевича Мячкова. Она, по ее словам, мало знала о. Серапиона лично, но сохранила в памяти некоторые рассказы мужа и Екатерины Михайловны. Сама же она помнила приезд к ним в поместье (в с. Дурово) о. Серапиона на летние каникулы непосредственно после его рукоположения в иеромонаха. Это практически единственная информация такого рода, по которой можно судить о восприятии Машкиным монашеского пострига и священнической хиротонии².

¹ См.: Письмо И. М. Картавцева священнику П. Флоренскому. 25 июня 1921 г. // Архив свящ. П. Флоренского.

² [Мячкова В. С.] Заметки об отце Серапионе Машкине // Архив свящ. П. Флоренского.